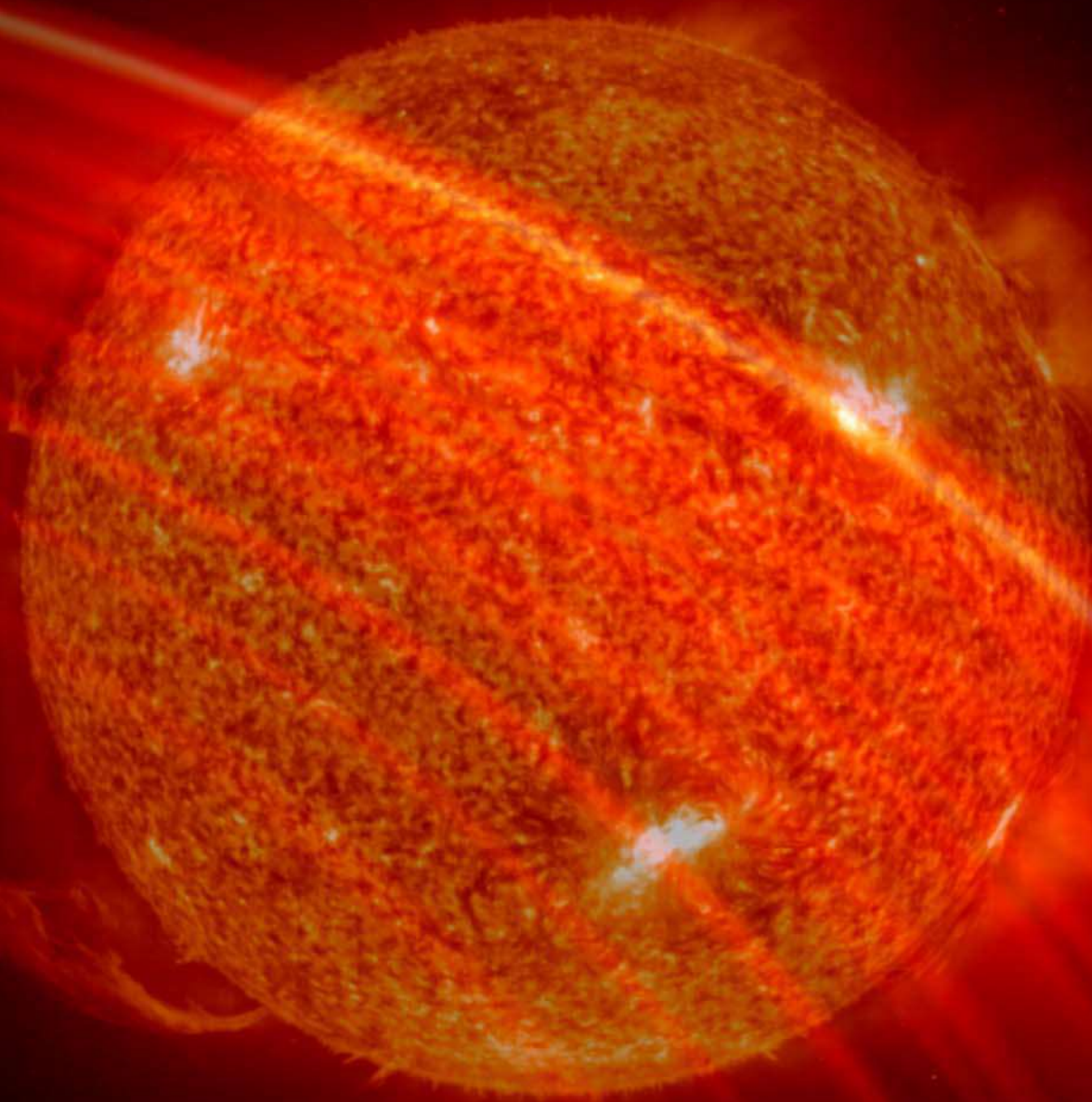

СВИНЕЦ, САТУРНИАНЦА

Литературно-публицистический иллюстрированный альманах. Выпуск № 2.

СОЛНЦЕ И СТАЛЬ № 418

ФЕЛТЦА

СВИНЕЦ САТУРНИАНЦА № 2 / СОЛНЦЕ И СТАЛЬ № 418
Санкт-Петербург 2002 г.
Литературно-публицистический иллюстрированный альманах.
Непериодическое издание.
Учредитель и главный редактор: Попов Дмитрий Валериевич.
Тираж: 999.
Цена: свободная.
Контактный адрес: Попов Д. В. а / я 607 Санкт-Петербург 189510 Россия
www.nork.ru

Первая страница обложки: Солнце и кольцо F Сатурна (NORK '2002).
Вторая страница обложки: Золотой Сокол, VI Династия Древнего Египта (2347 – 2216 гг. до н. э.) / Thelema (NORK '2001).
Третья страница обложки: Ктулху Восстающий (NORK '2002).
Четвёртая страница обложки: Равноденствие Богов (NORK '2002).

Редакция альманаха не извиняется за определённые неприятные ощущения, полученные при прочтении тех или иных материалов выпуска.

Пифонический аспект в творчестве Егора Летова.

Димитрије Попов

«Пифонами, как известно, называются те, через которых демон производит изумительные явления», – так вполне ясно и без мудрствований поясняют Я. Шпренгер и Г. Инститорис в своём «Молоте ведьм» феномен пифоничества. И постоянно, надо сказать, указывают, что подобные пифоны должны умерщвляться. Это, впрочем, не имеет отношения к теме нашего разговора.

О пифонах я вспомнил, когда увидел Егора Летова на сцене во время концерта «Гражданской Обороны» 23 декабря 2000 года у нас в Питере в «Юбилейном». Увидел, вспомнил, – и текст рецензии на этот концерт сам сложился в моей голове. Рецензии, если быть точным, всё-таки не на «этот концерт», а на «Летова вообще» – это обстоятельство, по идее, должно отменить все возможные претензии насчёт её «неоперативности». Для рецензии же на сам концерт вполне достаточно отделаться следующими замечаниями: Летов – как Летов, звук – дерьмо полное, публика – в восторге, Летов-старший на саксофоне – «нововведение» не самое лучшее, мягко выражаясь.

Заподозрил же «неладное» я ещё до концерта, слушая (оговорюсь – в порядке исключения) интервью с Игорем и Сергеем Летовыми на «Радио-Рокс». Но сначала я должен кое-что объяснить: я вовсе не «страстный поклонник Г. О.». Т. е., т в о р ч е с т в о Летова я ценю и уважаю, его музыку слушаю охотно – но слушаю лишь от случая к случаю. Что уж там говорить о собирании записей Гр. Об. и прочих летовских проектов, а уж тем более о «штудировании» печатного материала о нём. Я бесконечно далёк от того музыкального и литературного направления, в котором творчество Летова & К° анализируется, исследуется, профессионально критикуется и просто восхваляется. В общем, о Летове как о х у д о ж н и к е я сужу исключительно по его песням и их текстам. Исключительно. Кто скажет, что это «в корне неверный подход»? Конечно, никто.

Вот поэтому-то я и удивился, если не сказать – изумился, когда Егор в ответ на вопрос одной из позвонивших радиослушательниц о самоубийствах (что он о них думает – кажется так) начал «плести» форменную «отмазку»: де, он этим никогда не занимался (неприятно – для меня, во всяком случае – посмеиваясь при этом), и вообще, мол, самоубийство приемлемо лишь на войне – чтобы в плен, к примеру, не попасть, – но это уже, собственно, не самоубийство и т. д. Примерно так. Согласитесь, даже для слышавшего песни Ле-

това лишь «краем уха» подобный ответ может показаться не чем иным, как «отмазкой»: ведь в песнях он с о в е р ш е н н о д р у г о й! Человек, слагающий песни о «непрерывном суициде», так ответить не мог!

Хорошо, предположим, что тема самоубийства является для Летова глубоко личной, интимной – а именно такое мнение и складывается при прослушивании песен Г. О., – поэтому он и не захотел распространяться о ней в прямом эфире перед тысячами незнакомых людей. Или другое предположение – «достали» Летова за многие годы его почитатели этим вопро-

рос – и всё. Вот в результате и получилось, что у слушателей (у большинства слушателей – в этом сомнений быть не может) создалось впечатление, что отбивший на вопрос о самоубийстве и сочинивший такие «суицидальные песни» – два совершенно разных человека. ...В том интервью на «Радио-Рокс» была ещё пара подобных «нестыковок» между двумя «воплощениями» одного и того же человека – между «автором текстов» и «отвечающим на вопросы» – я уделил внимание лишь наиболее показательной и, скажем так, «задевающей за живое» теме. Уверен, что, если внимательно почитать и послушать другие интервью Летова, то там можно найти такие же «несоответствия». В чём причина подобного «межвоплощенного разрыва»? В пифоническом аспекте.

Собственно, инквизиторы называли пифонами всевозможных пророков, предсказателей, вещунов и т. д. в однозначно негативном смысле – ведь здесь человека в качестве вещающего средства – эдакого громкоговорителя, рупора – использует (богопротивный) демон, бес. Пифон – это обыкновенный о д е р ж и м ы й. Таково положение дел в (реакционном) христианстве. В исламе – то же самое: поэты здесь объявляются «одержимыми джиннами» – маджнунами. Джинны, как известно – те же демоны. Но первоначально греческое слово «демон» означало именно «источник вдохновения» (слово же «джинн», кстати говоря, некоторые теологи выводят от санскритского «жнана», означающего силу мысли), а о том, что поэты есть не кто иные, как «одержимые», говорили ещё древнегреческие философы. Платон прямо говорит о «божественной одержимости» поэтов, а в «Апологии Сократа» он приводит и аналогичное

мнение Сократа: «... Чуть ли не все там присутствовавшие лучшие могли бы объяснить творчество этих поэтов, чем они сами. Таким образом, и о поэтах я узнал в короткое время, что не благодаря мудрости могут они творить то, что творят, но благодаря какой-то природной способности и в исступлении, подобно гадалкам и прорицателям; ведь и эти тоже говорят много хорошего, но совсем не знают того, о чем говорят». Короче, поэты – а по утверждениям некоторых мыслителей вообще в с е х у д о ж н и к и (так говорит, например, Уильям Йейтс в «Per Amica Silentia Lunae», имея в виду при этом и самого себя) – во все времена и у всех народов рассматривались как одержимые, чаще всего неспособные понять всё то, что они действительно создают – ведь создают-то вовсе не они, они – лишь с р е д с т в о.

Всё дело в том, что на вопрос о самоубийстве Летов ответил действительно искренне – т. е. именно то, что он о нём и думает. При настоящей «отмазке» ответ звучал бы совершенно по-иному – её бы выдали тембр голоса, какие-то (плохо) скрытые эмоции, непривычный порядок слов и т. д., – в общем, всякие психологические нюансы, которые для внимательно слушающего не являются такой уж загадкой. Летов же п р о с т о ответил на вопро-

Поэзия конца времён

«Кутаясь

в лучах собственной гордыни,
он разрезал волны,
красуясь своей мнимой мощью.
К своему разочарованию,
он плыл слишком медленно,
и наши братья с Востока
уже оседлали боевых верблюдов
и были готовы к битве...»

После 11 сентября 2001 года, после «локального манхэттенского апокалипсиса», взрыв, раздавшийся 12 октября 2000 года в йеменском порту Аден, мало на кого может произвести «шокирующее впечатление» (а, как сообщалось, тогдашний американский президент Билл Клинтон был именно «шокирован» известием о взрыве эсминца). Теперь о подбитом «Коле» никто и не вспоминает. Куда там: 17 погибших и 39 раненых моряков (в СМИ приводились также и другие цифры) не идут ни в какое сравнение с тысячами погибших мирных жителей в «чёрный вторник». Между тем, аденский теракт (примем всё-таки то, что это был именно теракт, и связанный именно с бен Ладеном) можно рассматривать своеобразной репетицией «бомбардировок» Пентагона и Манхэттена – то же «мирное средство передвижения» в качестве средства нанесения удара, та же полная неожиданность и т. д. Индийские нумерологи построили целую систему связи числа «11» и терактов в Нью-Йорке и Вашингтоне. Если серьёзно воспринимать их теорию, то не стоит упускать из виду и того, что «чёрный вторник» произошёл со сдвигом на единицу в обратную сторону относительно события в Адене: октябрь стал сентябрём, а 12-ое число – 11-ым. Имеет ли это какое-то значение? Станут ли вообще когда-нибудь известными все детали связи между этими двумя атаками на прогресс? Сомнительно, если честно. И вряд ли мы когда-нибудь узнаем, какие стихи написал Осам бен Ладен о горящем Пентагоне и рушащихся манхэттенских башнях. Жалко. Стихи и смерть ни в чём неповинных людей? Но что же в этом удивительного. Конец времён. «Поистине, человек ведь в убытке» (Коран 103:2). Другого ожидать и не следует.

Летов на сцене (а до этого концерта в «Юбилейном» я видел Летова на акустическом концерте в кинотеатре «Космонавт» – году в 95, если не ошибаюсь) производит впечатление именно пифона – послушно исполняющего то, что говорит ему его персональный (творческий) демон. Игорь кажется полностью оторванным от всего его окружающего, слабо реагирующим на происходящее вокруг него, даже на поведение толпы (в т. ч. и на периодически попадающие в него бенгальские огни, метко запущенные любящими его фэнами). Летов просто поёт, просто исполняет свои песни, – несмотря на кажущийся пресловутый «контакт певца с аудиторией», Летов бесконечно далёк от публики. Потому что пифон.

Интересно, что сам Игорь претендует (во всяком случае – претендовал) на никак не совместимый с пифоничеством статус пророка, или что-то близкое к этому: «Я однозначно отождествляю себя с последователем Христа, пришедшего, чтобы утвердить небесный мир и победить мирской, чудовищный папиализм, под маской которого скрывается сатанинская сила» («На стороне титанов», «Элементы» № 7, 1996). Мне могут возразить: «Какой же Летов пифон, когда в том интервью в «Элементах» он отвечает на все вопросы как настоящий идеолог, чётко сознавая свои цели и задачи?» Отвечаю очень просто: Егор Летов – пифон, большего объяснения здесь и не требуется. И потом, принцип «с кем поведёшься, от того и наберёшься» отражается в деятельности и творчестве пифона ещё больше, чем в деятельности обычного человека. Разумеется, я вовсе не утверждаю, что Летов эдакий «блаженный поэт», а Эдуард Лимонов и Александр Дугин в то время «вправили ему мозги как надо». Просто Летов, как истинный пифон, говорил именно то, что и полагалось бы сказать, отвечая на вопросы «Элементов». И потом, почитайте, что пишет Лимонов о Летове через несколько лет, в 2000 году, в своей «Книге мёртвых» (глава «Да, я с ними»). Лучшего доказательства и не требуется, особенно показательна заключительная фраза в этой характеристике: «Люди искусства ленивы и созерцательны. Как правило, они страстно поют о революции, смогут, наверное, петь для отрядов революции, но организовать Революцию выше их сил», – исчерпывающая характеристика поэта-пифона-маджнуна (отсюда же, кстати говоря, следуют и «периодические разногласия» с НБП).

В упомянутом интервью в «Элементах» основной темой разговора являлась агрессия. В числе прочего Летов говорит: «Мы сознательно отдаём себе отчёт в том, что наша музыка и наша культура несёт в себе принцип агрессии». Напоминаю, это было в 1996 году. То, каким я увидел Летова на сцене в 2000 году, несомненно было ближе к образу какого-то хиппи, нежели к образу «бунтаря-агрессора», «революционера», каким все привыкли считать Егора. Раздражающе похожий на некогда главного редактора «Эха Москвы» А. Венедиктова – в его лучшие (по части бороды тоже) времена – Летов-старший лишь усугублял хиппарский «имидж» Г. О. Удручающее впечатление. О да, публи-

лика-то была агрессивной, как о том и говорится в интервью – что верно, то верно. Так ведь публика «заводится» не с нами и, а не теми, кто их исполняет. Верное доказательство (это я о подчинённой толпе) того, кстати говоря, что Егором Летовым владеет демон довольно высокого ранга.

В завершении мне хотелось бы сказать ещё пару слов о «пифоническом аспекте» в творчестве русских рок-музыкантов. Возьмём ещё раз «Элементы» – статью Вадима Штепы «Элита русского рока» – о Викторе Цое и Игоре Талькове (№ 3, 1993). Раскрывая эзотеризм, содержащийся в текстах песен этих двух исполнителей, Штепа доходит до того, что проводит параллель (с соответствующими, разумеется, оговорками) «Цой и Тальков – Илия и Енох». Как бы я ни относился к этим двум исполнителям (а, если честно, у Цоя я воспринимаю серьёзно лишь две-три песни, Талькова же, каюсь, всегда считал «эстрадой»), возразить автору в его толковании их творчества мне нечего – Штепа убедителен. Кроме одного: в этой статье просто не обходимо было указать, что и Цой, и Тальков совершенно не осознавали того эзотеризма, что содержится в соответствии со Штепой в их песнях. Они просто творили, они были одержимыми-пифонами-маджнунами. (И, кстати, о творчестве Егора Летова можно написать с десяток подобных статей.) Правда что, Тальков – тот, быть может, всё-таки больше понимал, что же он создаёт. Но Цой был стопроцентным пифоном. Забавно должно быть, получилась бы сцена, дворялись Штепе как-нибудь лично растолковать Виктору Цою, какой эзотеризм и сверхчеловеческие идеи содержатся в его песнях: простой поэт Цой воспринял бы философа-эзотерика Вадима Штепу как «ненормального». В другой своей статье «Прорыв на ту сторону. О Субъекте Традиции» («Волшебная гора» № 7, 1998) Штепа приводит «обезоруживающие» слова Цоя о том, как тот сочиняет свои песни: «Я начинаю играть. Потом появляются какие-то слова...» Слова песни («какие-то!») «л о я в л я ю т с я» при соответствующей «настройке» музыканта на, как это принято называть, творческий лад – это характеристика маджнуна и только маджнуна.

Вообще, из всех деятелей русского рока, чьё творчество в большей или меньшей степени так и не отравилось «попсой» и обывательщиной, пожалуй, лишь Сергей Курёхин мог бы претендовать на статус «осознающего». Потому, быть может, и кажется его смерть какой-то «банальной» и «обыденной» по сравнению с «романтическими» смертями Цоя и Талькова: разбиться на мчащемся мотоцикле и погибнуть от пули на сцене – это всё-таки не умереть на больничной койке от саркомы сердца. Кого-то задевает слово «романтический» в приложении к смерти? – но ведь никто не станет отрицать, что те смерти, которыми умерли Цой и Тальков, в немалой степени способствовали романтизации этих двух личностей как «героев» – «последних героев», как выражаются некоторые воздыхатели.

От чего, интересно, умрёт Летов? Впрочем, умрёт он не скоро – это однозначно.

Непрерывный суицид

С каждым днём всё дальше, чья-то боль всё лучше.
Новый мир всё старше, каждый бой все круче.
С миру по идее — мертвому землицы,
Молоту Христову не остановиться.

А у малиновой девочки взгляд
Откровенней, чем сталь клинка.
Непрерывный суицид для меня.
Непрерывный суицид для меня.
Непрерывный суицид...

От прямого хука немеют яйца.
Животы худеют, животы боятся.
Из зловещих окон холодеют лица.
Животы жиреют от живой водицы.

А у малиновой девочки взгляд
Откровенней, чем сталь клинка.
Непрерывный суицид для меня.
Непрерывный суицид для меня.
Непрерывный суицид...

Из холодных окон прыгают наружу
Раненые звери с добрыми глазами.
Детвора смеётся, в детских лицах ужас,
До смерти смеётся, но не умирает.

А у малиновой девочки взгляд
Откровенней, чем сталь клинка.
Непрерывный суицид для меня.
Непрерывный суицид для меня.
Непрерывный суицид...